

А. А. Слезин

История раннего комсомола: к характеристике архивно-источниковой базы

Аннотация: на основе опыта научной школы «История молодежного движения в России», сформировавшейся в XXI в. в Тамбовском государственном техническом университете, автор раскрывает возможности использования фондов современных центральных и региональных архивов в изучении комсомола и альтернативных ему организаций первых послереволюционных лет. Большое внимание уделено освещению роли источников, как правило, ранее не использовавшихся исследователями.

Ключевые слова: история, источниковедение, методология, исторические источники, архивы, письма, молодежь, комсомол, нэт, коммунистическая партия.

Основной массив источников, используемых в процессе работы над проблемами истории молодежного движения, составляют обычно впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы из фондов центральных и местных архивов¹, что подтверждает правоту Б. Кроче: «Говорить об истории, не имея документов, столь же нелепо, как рассуждать о существовании чего-либо при отсутствии одного из необходимых элементов этого существования»².

Особого доверия заслуживают документы для служебного пользования. Несмотря на присутствие в них идеологических построений, далеких от реальной жизни, в целом они содержат объективную информацию, которая была необходима советскому государству для исполнения управленческих функций. В частности, фонд 17 Центрального Комитета (ЦК) Коммунистической партии в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) содержит множество материалов об итогах обследований губернских партийных организаций, их обсуждений в различных структурах центральной власти. Здесь есть материалы наиболее важных местных партийных форумов, оргсводки о росте и регулировании социального состава комсо-

мола. Особое значение центральные органы уделяли борьбе с проявлениями инакомыслия, оставив массу свидетельств об оппозиционных и антикоммунистических настроениях на местах.

Трудно переоценить роль Фонда Центрального Комитета комсомола (Ф. М-1) РГАСПИ в изучении альтернативных комсомолу организаций. Так, дело 183 описи 23 содержит множество материалов (часть из них печатные) о Российском социал-демократическом союзе рабочей молодежи (РСДСРМ). Примечательно, что это не только материалы, анализирующие деятельность данного союза с позиций комсомола, но и документы самого социал-демократического союза, выписки из бюллетеней его Центрального оргбюро. Ряд дел имеют первостепенное значение для изучения взаимоотношений комсомола с другими молодежными организациями³, демонстрируют стремление комсомольских органов к более активному участию в работе спецслужб по борьбе с инакомыслием⁴. Они позволяют определить механизмы установления монополии комсомола в молодежном движении, проиллюстрировать этот процесс на региональном уровне. В настоящее время исследователями использована лишь незначительная часть изученного нами интереснейшего комплекса по указанной теме.

Данные о состоянии губернских комсомольских организаций довольно часто встречаются в протоколах заседаний бюро и секретариата ЦК комсомола, в материалах обследований местных организаций. Эти документы несколько компенсируют то,

¹ Девужилова И. В. Вклад тамбовских ученых в исследование молодежного движения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. Ч. 3. С. 46–51; Демидова Е. И., Васильев А. А. Внимание к прошлому как залог успешного будущего российской молодежи // Там же. № 6. Ч. 3. С. 211–217; Щупленков О. В. История молодежного движения в России в современном исследовательском поле // Там же. 2012. № 1. Ч. 2. С. 211–215.

² Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 10.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1; Оп. 3. Д. 2а, 3, 4, 32; Оп. 23. Д. 98, 183, 198, 302, 580, 584.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 6.

что материалы в местных архивах почти не сохранились. В ряде дел содержится подробная информация о внутрисююзных дискуссиях. В материалах Бюро ЦК комсомола обобщены данные о составе бюро губкомов комсомола. Отчеты Центрального Комитета съездам комсомола содержат информацию о результатах политпроверок, о численности кружков различных направлений, об итогах выборов в советы.

Доклады направлявшихся центральными органами на места представителей Центральных Комитетов компартии и комсомола, уполномоченных Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) нередко отличают недоуменные и гневные чувства в отношении работы как местных комсомольских организаций, так и других институтов политической социализации. Они демонстрируют явное несоответствие видения комсомольского проблем и результатов деятельности молодежного союза из центра и с мест. Присущее уже тогда некоторым низовым комсомольским органам стремление лучше отчитаться, выдать желаемое за действительное вели к рапортности; следовательно, они должны заставить нас с определенным недоверием относиться к отчетам местных комсомольских организаций, направлявшимся в ЦК комсомола. Зато доклады «контролеров» наряду с письмами и выступлениями рядовых комсомольцев позволяют значительно приблизить наши представления о комсомольской действительности к реальности.

Наиболее информативными являются стенограммы губернских комсомольских конференций, протоколы пленумов и заседаний бюро губкомов.

В начале 1920-х гг. даже доклады секретарей губернских комитетов комсомола чаще всего отличались откровенностью, критичностью не только к действиям рядовых комсомольцев, но и к своим собственным. В докладах и еще в большей степени выступлениях в прениях мысли предстают хоть и не отточенными, путанными, но живыми, отражающими комсомольскую жизнь во всех ее противоречиях. Сегодня вряд ли можно согласиться в оценках некоторых фактов с мнениями тогдашних комсомольцев, но их откровенность, эмоциональность позволяют достоверно судить о социально-психологической атмосфере в молодежной среде, а информационная насыщенность выступлений значительно расширяет круг сведений, которые мы получаем из постановлений и статистических материалов.

В докладах секретарей комитетов комсомола второй половины 1920-х гг. негатив во внутрисююзной работе все чаще локализуется, представляется отдельным недостатком. Постепенно складывалась иерархия локализации: ЦК искал недостатки на уровне губернских (областных) комитетов, губкомы (обкомы) — на уровне уездных (окружных) комитетов, уездные (окружные) комитеты — на уровне первичных организаций. Но стоит выстроиться извлеченный из докладов негатив по хронологическому и территориальному

принципам, как нередко убеждаешься во всеобщности того или иного явления общественной жизни.

Что касается выступлений в прениях, то они в отличие от последующих десятилетий, как правило, лишены какой-либо лакировки внутрисююзной действительности. Нередко можно встретить критические замечания в адрес конкретных партийных наставников (хотя тут же подчеркивается необходимость партийного руководства в принципе). Стенограммы местных комсомольских форумов наглядно демонстрируют преобладавшие в комсомоле настроения по важнейшим проблемам общественно-политической жизни страны, отношение к партийным лидерам, уровень грамотности и политической культуры комсомольцев.

Чем ниже уровень комсомольских форумов, тем откровеннее говорили комсомольцы. Поэтому целесообразно использовать материалы архивных фондов не только губернских и областных, но и уездных, окружных, районных комитетов комсомола. В различных фондах сохранились и протоколы первичных комсомольских организаций. Как правило, исследователи даже не пытались с ними работать. Данные фонды обычно не содержат обобщенных сведений, но позволяют выяснить достоверность обобщений, увидеть отличия в позициях рядовых комсомольцев и активистов, раскрыть содержание комсомольской работы в деревнях, на заводах и в учреждениях (она в первую очередь влияла на массы): не секретари губкомов и ЦК, которых традиционно цитируют в историко-комсомольских трудах, а юноши и девушки, с которыми обыватель сталкивался в совместной работе, учебе или в быту, определяли своей деятельностью отношение к комсомолу широких масс.

Результаты политической социализации молодежи ярко демонстрируют выступления на собраниях, митингах, других агитационных мероприятиях, тексты которых сохранились в фондах комитетов комсомола ниже губернского (областного) уровня.

Большинство дел фондов губкомов комсомола, на которые ссылались исследователи в годы советской власти, носят канцелярский характер. В них очень редко присутствовали сообщения о результатах выполнения тех или иных решений. Отсюда и болезнь многих историко-комсомольских исследователей прошлого: приравнивание намерений к результатам. Изучение документов уездных, окружных, районных, волостных и первичных комсомольских организаций, переписка сотрудников губкомов с центральным и уездными комитетами позволяют освободиться от многих ложных представлений об истории комсомола, казавшихся непреложными истинами. Документы низовых организаций помогают выяснить существенные отличия социально-политической обстановки на местах и оценок, декларирувавшихся в центре.

Под влиянием изучения документов низовых комсомольских и партийных организаций особенно

сильно поменялись представления автора данной статьи о характере партийного руководства комсомолом в 1920-е гг. Во многом оказались ложными как «застойные», так и «перестроечные» взгляды. Нэповская реальность на местах оказалась значительно сложнее и противоречивее, чем теоретические установки и оценки центральных органов, лидеров партии и комсомола. Партийные комитеты данного периода свои методы партийного руководства старались, как правило, скрыть за удобными фразами об «улучшении качества», «устранении недостатков», «укреплении связей» и т. п. Зато при оценке нижестоящих органов они проявляли откровенность сполна. Еще более откровенно работу своих партийных наставников оценивали комсомольцы. Сохранились стенограммы выступлений коммунистов, которым поручалась работа с комсомольцами, их заявления, анкеты, отчеты о работе с юношеством. Данные источники в совокупности позволяют увидеть, что эволюция характера взаимоотношений партийных и комсомольских организаций на местах определялась не только решениями центральных партийных органов, но и факторами, связанными с низким уровнем общей и политической культуры провинциальных коммунистов, их крайней загруженностью другими делами — а следовательно, стремлениями к упрощению партруководства, к командованию.

Документы местных комитетов коммунистической партии — основной источник знаний о приемах управления, о соотношении тенденций политики в настроениях бюрократии. Большой интерес представляют направленные стенограммы съездов, конференций, руководящих коллегий, подготовительные материалы и служебная переписка, протоколы бюро и секретариатов парткомов, «чрезвычайных троек по усилению хлебозаготовок». Исполнительные источники (доклады, справки, отчеты) обеспечивают анализ практической деятельности партийно-государственной системы.

Многие материалы фондов государственных органов почти полностью дублируют материалы фондов партийных комитетов, поэтому работа в госархивах должна направляться на поиск документов неизвестных или более полно отражающих некоторые вопросы и сюжеты. В первую очередь, в фондах местных исполкомов советов представляют интерес документы, раскрывающие реалии подготовки, хода и итогов перевыборных кампаний, роль комсомольцев в работе советов, в организации их пропаганды.

Труднее разглядеть роль комсомола в деятельности советов и во взаимоотношениях с ними. Приходится обращаться к выступлениям на съездах, деловой переписке. Не всегда присутствуют сообщения о результатах выполнения тех или иных административных решений.

Копии обобщающих материалов, как правило, направлялись в окружкомы. Более того, последующие «чистки» архивных материалов касались

прежде всего фондов обкомов, поэтому в фондах окружных и районных комитетов материалы конца 1920-х гг. представлены даже шире, чем в фондах республиканских, краевых и областных органов.

В составе материалов советов, комитетов ВКП(б), а иногда и комитетов комсомола встречаются документы местных отделов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Их научная ценность заключается в том, что в них наиболее подробно отражены самые значимые факты выступлений против власти, в том числе и против действий комсомола, а также расходящиеся с официальным курсом действия самих комсомольцев. Как правило, подобные факты сосредоточены в обзорах политнастроений рабочих и крестьян. В этих машинописных документах говорится о том, что люди говорили на сельских сходах, на рабочих местах, на улицах, рынках и даже на комсомольских собраниях. Как правило, данные сводки отличаются от публиковавшихся в средствах массовой информации сообщений о настроениях молодежи и взрослых объектов ее деятельности. На момент составления названные документы ОГПУ считались секретными сведениями и распространялись в строго ограниченном количестве копий.

Обзоры политических настроений местного населения периодически готовили и члены губернских и областных комитетов партии и комсомола⁵. Они использовали для этого многочисленные письма, приходившие в данные комитеты и редакции региональных газет разного уровня. Письма чаще всего представляли собой жалобы и, соответственно, несли в себе элементы субъективной авторской позиции. Они отражали взгляды тех комсомольцев и других граждан, которые надеялись привлечь внимание органов государственной власти к отдельным проблемам тогдашней действительности или получить от них поддержку.

Использование в исследованиях документов ОГПУ требует постановки вопроса о степени их достоверности. Обычно в связи с этим высказывается предположение о том, что сотрудники ОГПУ осознанно увеличивали масштабы массового недовольства советской властью. Это нельзя не принимать во внимание: ОГПУ было заинтересовано подчеркнуть наличие острой классовой борьбы в стране ради укрепления собственного влияния. Однако отчеты о политических настроениях предназначались лишь для узкого круга руководителей и в целом соответствовали их уже сложившимся взглядам. С другой стороны, в секретной информации отражалось более или менее реальное положение дел, поскольку искажение событий в условиях острого социально-

⁵ См.: Дик А. А., Слезин А. А. Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 4. С. 1044–1046.

классового противоборства могло повлиять на стабильность политического режима. Органы ОГПУ были в значительной степени независимыми от местных властей, что также работало на незаинтересованность в подаче необъективных сведений.

Особый интерес представляют сводки о политических настроениях, хранящиеся в фондах бывшего архива ЦК ВЛКСМ (ныне эти фонды вошли в РГАСПИ), так как здесь отражались настроения, царившие именно в молодежной среде, иногда по конкретным проблемам. Дубликаты некоторых из сводок присутствуют и в фондах местных комсомольских органов.

Сводки о политических настроениях отражают два уровня информации: 1) об объективной реальности, т. е. о конкретной социально-экономической и политической ситуации, в которой действует автор цитируемого высказывания; 2) о самом авторе (вернее, о его отношении к тем или иным событиям, фактам, явлениям, людям). Последнее делает их важным источником для изучения результатов политической социализации.

Политсводки более или менее адекватно отражают степень критичности реальных социально-политических настроений. Следует учитывать, что в условиях становления тоталитарной системы высказаться на собрании, написать письмо в газету или орган власти зачастую представлялось одним из немногих возможных способов повлиять на негативную ситуацию, и это позволяет предположить, что критическая направленность выступлений на собраниях, письменных жалоб и заявлений по сравнению с обыденными настроениями была выражена более ярко. С другой стороны, надо иметь в виду, что проявление отрицательного отношения к окружающей советской действительности в условиях становления тоталитарного режима было отнюдь небезопасным, и это должно было сдерживать гласное проявление особо критических настроений. В целом же такое сочетание делало политсводки относительно адекватным отражением реальных социально-политических настроений. По крайней мере, они наиболее явно говорят о существовании как среди беспартийного населения, так и в самом комсомоле широкой палитры мнений по разным вопросам. Комсомол предстает отнюдь не монолитным образованием, объединенным нерасторжимой общностью интересов.

Политсводки и различные формы апелляции граждан к власти (письма, заявления, жалобы, предложения, проекты, доносы) зримо свидетельствуют об отношении населения к комсомолу, раскрывают взгляды на существенные проблемы общественного развития (нам важно сопоставить их с пропагандистскими клише коммунистических организаций), иерархию ценностей, приоритеты, формировавшиеся в недрах общественного сознания. Речевые особенности самовыражения авторов не только говорят об уровне общей и политической культуры, но и отражают восприимчивость различных общественных

групп к коммунистической пропаганде. Данные документы отражают переплетение в советской действительности традиционно-патриархальных основ жизни большинства населения с многочисленными элементами нового строя.

Количество и наполненность политсводок резко возросли в конце 1920-х гг. Политсводки об антисоветских настроениях напоминают многие публичные доклады партийных, государственных и комсомольских руководителей того периода. В них обязательны упоминания о проявлениях «левого и правого уклонов». Хотя классификация тех или иных фактов в данных документах вызывает большие сомнения, а зачастую и абсолютное неприятие, они позволяют достаточно полно представить картину массового сопротивления сплошной коллективизации, «антирелигиозному наступлению» и другим кампаниям советской власти при переходе к форсированному строительству социализма. Комсомол, как и все общество, оказался расколотым. Упоминание данных фактов как «отдельных недостатков» сегодня видится фарсовым, так как при сопоставлении их в документах разных уровней партийно-комсомольской иерархии раскрывается необычайно широкая распространенность инакомыслия и открытого сопротивления власти на рубеже 1920–1930-х гг.

Целесообразным выглядит привлечение фондов редакций советских газет⁶. В подлинниках писем в редакции, многие из которых не были опубликованы, наиболее широко представлена палитра мнений о деятельности комсомола. Интерес представляют материалы совещаний рабселькоров⁷. В них отражены воззрения на роль печати в жизни советской молодежи и всего населения, оценки деятельности местных комсомольских организаций, формы и методы пропагандистской работы комсомола. В данных фондах содержится множество документов центральных государственных и партийных органов, ставивших конкретные задачи по организации работы редколлегий, борьбе с инакомыслием. Многие анонимные письма отражают укореняющуюся, к сожалению, в обществе тягу к доношительству. Письма полуграмотных крестьян по вопросам религии позволяют судить о результативности антирелигиозной деятельности комсомола. Именно эти фонды позволяют составить непредвзятое представление о масштабах преследований внештатных корреспондентов газет. Множество документов отражают участие комсомольцев в хлебозаготовках, девиантное поведение городской и сельской молодежи.

⁶ Подробнее см.: *Слезин А. А.* Фонды редакций местных газет как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Архивные документы как источник формирования представлений об истории отечества: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2005. С. 194–197.

⁷ *Слезин А. А.* Селькоры и Сталин (неожиданный источник для создания портрета вождя) // Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы Всерос. конф. СПб.: Нестор, 2002. С. 206–209.

Письма и корреспонденции в газеты, партийные и комсомольские органы, бесспорно, несут в себе определенный субъективизм. Они отражают индивидуальные особенности авторов, а не только экономические и политические интересы комсомольского, крестьянского или иного коллектива. В то же время многие письма создавались как выражение общественного мнения. Большинство крестьянских писем были подписаны, имели адреса, что говорит о подконтрольности их авторов деревенской обществу. Что же касается комсомольцев, то на правдивость их писем работала внутрисоюзная дисциплина. Комсомольские органы регулярно проверяли правдивость тех или иных фактов. Авторы писем в газеты надеялись, что их послания будут опубликованы и, следовательно, прочитаны членами коллектива. При большом значении общественного мнения в жизни комсомольцев мы предполагали, что не имело смысла сообщать ложные факты. Однако жизнь оказалась значительно сложнее. Материалы прокурорских проверок 1920-х гг. показывают ложность многих писем. Наверное, можно списать определенную долю указываемых контрольными органами цифр на нежелание дать ход некоторым делам, но говорить об истинности каждого факта мы уже не можем. Поэтому для нас письма комсомольцев являются прежде всего выражением их настроений и ценностных ориентаций. Никакое вранье не заслонит демонстрации надежды, восторга, негодования, мечты. Так как подавляющее большинство корреспондентов представляли наиболее активную и грамотную часть населения, их письма можно рассматривать как обозначение основных тенденций в развитии общественного сознания, свидетельства внедрения в общественное сознание новых слов и символов, стандартов мышления. В письмах отражены внутренняя структура и иерархия ценностей, приоритеты, формировавшиеся в недрах общественного сознания.

Для изучения писем во властные структуры особенно ценными являются советы современных исследователей В. Х. Бодиско, В. В. Кабанова, Т. В. Мирановой, В. К. Романовского⁸.

В качестве исторических источников вполне могут быть привлечены предсмертные письма комсомольцев-самоубийц⁹. Уже в 1920-е гг. советская система политического контроля досконально

⁸ Бодиско В. Х. Глава 5. Дневники и письма // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура; Проблемы историографии советской истории. М., 1994. С. 158–197; Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997; Миранова Т. В. Крестьянские письма как исторический источник общественного сознания крестьян 20-х гг. // Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 17–27; Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990. С. 54–65.

⁹ Слезин А. А. Предсмертные письма комсомольцев-самоубийц 1920-х годов // V научная конференция ТГТУ. Тамбов, 2000. С. 184–185.

выяснила причина добровольного ухода граждан из жизни. Особое беспокойство вызывали самоубийства в партии и комсомоле: они воспринимались как дезертирство от социалистического строительства. В конце 1920-х гг. газеты регулярно печатали статьи, осуждавшие малодушие не только самоубийц, но и принимавших участие в их похоронах. Заполнялись специальные «анкеты на самоубийц» из десятков вопросов. Как правило, в предсмертных письмах комсомольцы заявляли о невинности в их смерти родных и близких, стараясь обезопасить их от возможных преследований. В то же время в фондах центральных и местных архивов сохранилось немало писем, где авторы объясняли причины ухода из жизни. Для комсомольцев были характерны самоубийства из-за нервного расстройства, переутомления, комсомольских взысканий, на романтической почве, в результате болезней. В качестве исторических источников с нашей точки зрения особенно важны письма, в которых дается характеристика социально-политической обстановки в стране (перед смертью человек обычно крайне откровенен).

Заметим также, что письма, адресованные редакциям газет, комитетам комсомола и органам власти отразили самые разные политические настроения, что опровергает явно конъюнктурный и произвольный подход некоторых современных публикаторов, обращающих внимание только на антисоветские послания.

В фондах низовых комитетов комсомола хоть и редко, но встречаются уцелевшие номера стенных газет. По качеству они значительно уступают печатным изданиям, но как исторические источники очень полезны. Стенгазеты в значительно меньшей степени, особенно в середине 1920-х гг., были подвержены цензуре. Литературная обработка и вовсе, как правило, отсутствовала. Следовательно, стенгазеты более точно передают настроения их авторов, отражают дела и споры на низшем уровне комсомольской иерархии.

Внимание исследователей должны привлечь стихи и песни самодельных комсомольских авторов: как опубликованные в печати, так и хранящиеся в фондах комсомольских органов и редакций газет. Среди имен встречаются и знакомые. Так, 1 января 1924 г. курская газета «Комсомолец» опубликовала стихотворение «Германскому комсомолу». Его автор — молодой Л. И. Брежнев. Абсолютное большинство имен самодельных авторов не вошло в историю литературы (как не стал выдающимся поэтом и Брежнев). Для нас самодельное творчество комсомольцев 1920-х гг. важно не с точки зрения развития литературного процесса. Стихи, песни, частушки, сценарии — специфические исторические источники, позволяющие более полно осветить проблемы формирования комсомолом духовно-культурного мира советской молодежи, передать колорит эпохи. К тому же они представляют собой яркий иллюстра-

тивный материал. В отличие от профессиональных авторов, зачастую выполнявших социальные заказы, авторы самодельные обычно поют песни и сочиняют стихи именно о том, что их волнует, во что они верят, к чему стремятся, в чем убеждены.

Изучая историю комсомола, нам мало знать, какие события происходили в жизни тогдашней молодежи. Важно выяснить, как люди оценивали эти события, к чему стремились, о чем мечтали. Самодельное творчество комсомольцев дает один из самых значительных шансов в продвижении к этой цели.

Фонд 5574 Государственного Архива РФ (Центральное Бюро пролетарского студенчества), а также фонды высших учебных заведений и рабфаков в региональных архивах позволяют уяснить роль комсомола в общественно-политической жизни высшей школы. Наиболее представлятельно ее характеризуют материалы бюро пролетарского студенчества, протоколы заседаний советов факультетов, институтов и университетов. По присутствующим в данных фондах спискам поступивших и исключенных можно проследить выполнение на местах указаний из центра по регулированию студенческого контингента. Письма местных комсомольских органов руководству рабфаков и вузов позволяют судить о стремлении провинциального комсомольского актива к большему, чем позволялось, вмешательству в дела государственных учреждений. В отчетах по итогам того или иного учебного года, как правило, представлена статистика, отразившая количество поступивших и исключенных, с указанием их партийности. В протоколах заседаний комиссий по коллективной оценке успеваемости студентов даются индивидуальные характеристики успеваемости, общественно-политической активности, морально-облика студентов. Такие характеристики позволяют проанализировать зависимость исключения, наделения пайками, премирования в зависимости от различных факторов. Как правило, в подобных фондах содержатся данные о кружках при учебных заведениях, о степени загруженности студентов различными видами деятельности.

Фонды общества «Долой неграмотность» (ОДН) позволяют более пристально изучить роль комсомола в ликвидации неграмотности. В документах ОДН, в отличие от многих комсомольских, беспристрастно раскрывается роль союза молодежи в культурном строительстве. Здесь много статистических данных. Индивидуальные позиции молодежи по вопросам ликвидации неграмотности демонстрируют выступления комсомольцев, молодых коммунистов и беспартийных на форумах ОДН различных уровней.

Фонд 5407 Центрального Совета Союза воинствующих безбожников (СВБ) ГА РФ содержит материалы I съезда корреспондентов газеты «Безбожник» и II съезда СВБ, которые определили радикальный характер антирелигиозной деятельности комсомольцев. Фонд демонстрирует разногласия

между руководством союза и ЦК комсомола, своеобразную борьбу за лидерство в борьбе с Церковью. Материалы редакции газеты «Безбожник», переписка с местными органами также позволяют уяснить особенности антирелигиозного движения.

В фондах региональных советов физической культуры представлены документы государственных, партийных и комсомольских органов, занимавшихся развитием физкультуры и спорта. Лозунги, оценки, провозглашавшиеся цели проводимых комсомолом мероприятий, подходы к формированию спортивных кружков позволяют выявить прямую связь участия комсомола в спортивно-массовой работе и процесса политической социализации молодежи.

Документы губернских, областных и окружных органов Контрольной комиссии (КК) и Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) содержат результаты разнообразных проверок, организованных зачастую без участия местных властных структур. Их отличительной чертой является наличие большого количества написанных по горячим следам событий живых правдивых свидетельств. В данные органы поступали жалобы рядовых жителей на административный произвол, в том числе и на несправедливые поступки работавших в органах власти комсомольцев. Дела по жалобам обычно очень краткие: содержат официальную справку и итоговое решение, нередко отрицательное. Не всегда есть упоминания о том, состоит ли объект или субъект критики в комсомоле. Не оправдались наши надежды на присутствие в фондах КК и РКИ материалов «легкой кавалерии». Однако обратим внимание на то, что на рубеже 1920–1930-х гг. Объединенная контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция оставались единственным государственным органом в СССР, сохранившим формальное право на критику. Материалы ее органов позволяют шире представить палитру общественных настроений, в том числе и по поводу деятельности комсомольцев.

В целом охарактеризованный массив источников, несмотря на его заметную противоречивость, при четком следовании источниковедческим правилам и использовании современных методов исторических исследований может служить репрезентативной основой для изучения любой темы по истории молодежного движения в послереволюционной России. Причем изучение самых разных аспектов истории комсомола возможно не столько на основе «сверхсекретных» материалов, сколько на основе уже имеющихся в нашем распоряжении. Целые пласты интереснейших архивных документов ждут своих исследователей. Особенно ценными являются документы местных архивов. Они помогают взглянуть на историю как бы изнутри, глазами человека изучаемого времени. Нюансы и детали, которыми так часто пренебрегают, на самом деле позволяют значительно ближе приблизиться к анализу ситуации, чем поверхностный по сути взгляд «с высоты птичьего полета».

Список литературы:

1. Бенедетто Кроче. Теория и история историографии. М., 1998.
2. Бодиско В. Х. Глава 5. Дневники и письма // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы историографии советской истории. М., 1994. С. 158–197.
3. Двужилова И. В. Вклад тамбовских ученых в исследование молодежного движения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. Ч. 3. С. 46–51.
4. Демидова Е. И., Васильев А. А. Внимание к прошлому как залог успешного будущего российской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6. Ч. 3. С. 211–217.
5. Дик А. А., Слезин А. А. Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 4. С. 1044–1046.
6. Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997.
7. Миронова Т. В. Крестьянские письма как исторический источник общественного сознания крестьян 20-х гг. // Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 17–27.
8. Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990. С. 54–65.
9. Слезин А. А. Селькоры и Сталин (неожиданный источник для создания портрета вождя) // Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы Всерос. конф. СПб., 2002. С. 206–209.
10. Слезин А. А. Предсмертные письма комсомольцев-самоубийц 1920-х годов // V научная конференция ТГТУ. Тамбов, 2000. С. 184–185.
11. Слезин А. А. Фонды редакций местных газет как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Архивные документы как источник формирования представлений об истории Отечества: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2005. С. 194–197.
12. Шупленков О. В. История молодежного движения в России в современном исследовательском поле // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. Ч. 2. С. 211–215.

References (transliteration):

1. Kroche B. Teoriya i istoriya istoriografii. M., 1998.
2. Bodisko V. Kh. Glava 5. Dnevniki i pis'ma // Professionalizm istorika i ideologicheskaya kon'yuktura. Problemy istoriografii sovetskoy istorii. M., 1994. S. 158–197.
3. Dvukhzhilova I. V. Vklad tambovskikh uchenykh v issledovanie molodezhnogo dvizheniya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 5. Ch. 3. C. 46–51.
4. Demidova E. I., Vasil'ev A. A. Vnimanie k proshlomu kak zalog uspeshnogo budushchego rossiyskoy molodezhi // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 6. Ch. 3. C. 211–217.
5. Dik A. A., Slezin A. A. Obzory politicheskikh nastroyeniy kak istochniki po izucheniyu sotsial'no-politicheskoy istorii 1920-kh godov // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2005. T. 11. № 4. S. 1044–1046.
6. Kabanov V. V. Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva. M., 1997.
7. Mironova T. V. Krest'yanskie pis'ma kak istoricheskiy istochnik obshchestvennogo soznaniya krest'yan 20-kh gg. // Istochnikovedenie XX stoletiya. M., 1993. S. 17–27.
8. Romanovskiy V. K. Pis'ma rabochikh kak istochnik dlya izucheniya sotsial'nogo oblika rabocheho klassa 20-kh gg. // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. XXI. L., 1990. S. 54–65.
9. Slezin A. A. Sel'kory i Stalin (neozhidannyi istochnik dlya sozdaniya portreta vozhdya) // Rus', Rossiya. Politicheskie aspekty istorii: Materialy Vseros. konf. SPb.: Nestor, 2002. S. 206–209.
10. Slezin A. A. Predsmertnye pis'ma komsomol'tsev-samoubiyts 1920-kh godov V nauchnaya konferentsiya TGTU. Tambov: TGTU 2000. S. 184–185.
11. Slezin A. A. Fondy redaksiy mestnykh gazet kak istochniki po izucheniyu sotsial'no-politicheskoy istorii 1920-kh godov // Arkhivnye dokumenty kak istochnik formirovaniya predstavleniy ob istorii Otechestva: Materialy Vseros. nauch. konf. SPb., 2005. S. 194–197.
12. Shchuplenkov O. V. Istoriya molodezhnogo dvizheniya v Rossii v sovremennom issledovatel'skom pole // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 1. Ch. 2. S. 211–215.